

Ксенофонов, Г. Н. Не побоялся – бросил вызов властям

Среди судейских работников 30-ых годов он возвышался как глыба среди безбрежного океана. Современники любили и уважали его за грамотность, объективность, конечно же, и за принципиальность.

Пик его работы в Верховном суде Чувашской АССР пришелся на тревожные годы в стране, когда во всю мощь была запущена репрессивная машина, пожирившая десятки, сотни тысяч жизней невинных людей.

Буквально захлебываясь репрессированными, занимались судебные и внесудебные органы: коллегии ОГПУ, тройки НКВД, Особые совещания, военные коллегии, суды и военные трибуналы.

В этот тревожный период в Верховный суд Чувашской АССР поступило уголовное дело по обвинению Педера Хузангая.

Судья Ефим Емельянович Гаршин, который рассматривал дела на основании представленного органами предварительного расследования материала, подчиняясь духу времени, мог одним росчерком пера решить судьбу еще совсем молодого, но не по годам одаренного, будущего славного чувашского поэта, стереть его в порошок или, в лучшем случае, отправить на долгие годы в ГУЛАГ. Он этого не сделал. Сердце подсказывало другое. Проявив бесстрашие перед произволом, Ефим Емельянович бросил вызов властям -оправдал Петра Хузангая, повергнув в шок партийное руководство и НКВД Чувашии. Однако рискованный благородный поступок судьи был незаслуженно забыт.

Работая в архивах, мы задавались целью воссоздать политическую ситуацию к моменту судебного процесса и воскресить в памяти этого отважного, принципиального судью Ефима Емельяновича Гаршина.

Петра Петровича Хузангая арестовали 20 января 1938 года по месту его рождения - в селе Сихтерме Алькеевского района Татарской АССР. Вскоре его этапировали в город Чебоксары в распоряжение НКВД Чувашской АССР. Поместили в арестантский подвал НКВД в доме купца Ефремова (ул. К.

Маркса, дом 11), где содержались жертвы сталинских репрессии-политзаключенные.

Хузангаю предъявили обвинение по ст. 58 - 10 УК РСФСР, что якобы он, являясь буржуазным националистом, на протяжении ряда лет проводил контрреволюционную агитацию путем протаскивания в печати клеветнических измышлений против проводимой политики советской власти.

9 апреля 1938 года было утверждено обвинительное заключение и уголовное дело направлено для рассмотрения в Верховный суд Чувашской АССР. Рассмотреть дело взялся сам председатель Верховного суда Николаев И.Н. 3 мая под его председательством с участием членов суда Гаршина Е.Е. и Гордеева И.Г. дело было возвращено на дополнительное расследование в прокуратуру для привлечения лиц, печатавших произведения Хузангая.

Это был, видимо, маневренный ход Николаева, позволяющий уйти самому от ответственности перед властями при нежелательном исходе дела. Конечно же, при вторичном поступлении дела в Верховный суд Николаев остался в стороне, поручил рассмотреть его 37-летнему судье Ефиму Гаршину. Судебный процесс длился 5 дней, с 3 по 8 августа 1939 года. К произведениям с антисоветским содержанием были отнесены более 10 стихов и поэм.

Тщательно исследовав обвинение по каждому произведению, суд пришел вот к такому выводу: «Судебным следствием установлено, что в сборнике «Уяртсан» помещены стихи, написанные Хузангаем в раннем возрасте, когда он только начинал писать, и когда ему было 17-18 лет от роду. По его же признанию на суде, а также показаниями ряда свидетелей и эксперта-рецензента, установлено, что в этот период Хузангаем, как начинающий писатель, находился под влиянием поэта Сергея Есенина, подражал ему, в результате чего произведения того времени проникнуты присущим Есенину пессимизмом, унынием, упадническим духом, в частности:

1. В «Письме матери», описывая печальное настроение матери по поводу отъезда сына и возможных житейских недостатков, упоминается устами матери о требовании уплаты налогов, несмотря на то, что сын - «писатель».

2. В стихотворении «Гусяр» описывается встреча поэта в городе Казани с одним слепым гусяром, певшим на улице унылые песни.

Оба стихотворения написаны Хузангаем в 1924 году, когда ему было 17 лет. Квалифицировать их как политическую клевету с контрреволюционным умыслом не было никаких оснований. Само содержание этих стихотворений наглядно говорит о подражании Есенину, и ни о каком контрреволюционном умысле поэта в этих стихах не может быть и речи».

Вот так подробно проанализированы в приговоре ещё более 10 стихов и поэм, и нигде не обнаружены политическая клевета и контрреволюционные выпады на советскую власть.

Правда, в поэме «Улмузилле Терлемес», написанной поэтом в конце 1930 - начале 1931 года, где в одной из глав повествуется об эпизодах гражданской войны, у суда было некоторое сомнение. Но и здесь Е.Е. Гаршину удалось сгладить острые углы. «...Упоминание устами малообученного героя повести учителя Каринке фамилий врагов народа наряду с именами вождей партии и правительства следует признать безусловно недопустимым. Однако контрреволюционная цель автора в этих строках не доказана, ибо ни об образе врагов народа, ни о их роли в поэме не сказано ни слова. Упоминание фамилий врагов народа по всем обстоятельствам дела следует объяснить не критическим и необдуманым подходом автора к отдельным строкам без какого-либо контрреволюционного умысла. Вся остальная поэма соответствует духу и состоянию того периода, когда писалась эта поэма...».

Дальше в приговоре говорится, что ссылки в материалах предварительного следствия на связь подсудимого Хузангая с буржуазным националистом Петровым - Юманом на судебном следствии не

подтвердились. Имеющиеся в деле открытые письма подсудимого к Юману говорят лишь о их связи на литературном поприще, о преклонении Хузангая как перед знатоком чувашского языка только идейно-политическая связь их никакими данными дела не установлена. В конце мотивировочной части подчеркивается, что в 1930 и 1931 году Хузангай, освободившись от влияния пессимизма С. Есенина, встал на твердый и правильный путь пролетарского писателя. Его труды «Магнитстрой», «Слушай Донбасс» и ряд других произведений являются доказательством того, что он освободился уже от узкой «есеневщины» и встал на широкий путь общественной жизни. Капитальные его труды по переводам «Евгения Онегина» Пушкина, «Горя от ума» Грибоедова и ряд других переводов классиков говорят о его правильном стремлении сблизить русскую культуру с чувашской...».

Здесь на короткое время остановимся для размышления. Видимо, и состав суда в этом месте немало ломал голову, как быть дальше. Или осудить молодого поэта, определив небольшой срок наказания, тем самым сохранить себя, или оправдать его, положив свои головы между наковальней и молотом.

Опасаться за неудобный приговор оснований было предостаточно. Время было тревожное и опасное. Уже были арестованы секретарь чувашского обкома ВКП(б) СП. Петров, председатель ЦИК А.Н. Никитин, председатель Совнаркома В.И. Токсин, председатель Главсуда СИ. Элифанов, народный комиссар юстиции - прокурор ЧАССР В.В. Анчиков и другие. Все они обвинялись в принадлежности или как члены контрреволюционной буржуазно-националистической организации и во вредительстве в промышленности и в сельском хозяйстве, в системе суда и прокуратуры и т.д. Многие из них нашли себе упокой в стенах многочисленных лагерей, разбросанных по всей стране. На репрессии и расстрелы на каждую область сверху спускались разнарядки. Предо мной рассекреченный оперативный приказ Наркома внутренних дел СССР под № 00447 от 30 июля 1937 года.

«Репрессировать:

По Чувашской АССР - 1800 человек, из них 300 - к расстрелу;

По Татарской АССР - 2000 человек, из них 500 - к расстрелу;

По Дагестанской АССР - 3000 человек, из них - 500 - к расстрелу;

По Грузинской АССР - 12000 человек, из них - 2000 - к расстрелу и т.д.».».

Разнарядки по выявлению врагов народа в местах лишения свободы высылались отдельно. Далее написано, что расстрелы приводятся в исполнение в местах и порядке по указанию наркомов внутренних дел НКВД. Расстрелы, как правило, проводить немедленно, не дожидаясь каких-либо кассационных жалоб.

Дела на крупных государственных деятелей сначала поступали в ЦК ВКП(б). Их судьбу как «врагов» народа предрешали здесь. Не утруждая себя глубоким изучением их «вины», партийное руководство указывало коротко - ВМН, что означало подвергнуть высшей мере наказания, а эти указания исполнялись тут же безропотно, быстро и точно. Всякое промедление для исполнителей было смерти подобно.

Вот при такой ситуации предстояло вынести приговор Педеру Хузангаю. Забегая вперед, скажу, что ни у председательствующего Е.Е. Гаршина, ни у членов суда Л. Мурышкина и П. Семенова руки не дрогнули, 8 августа 1939 года они вынесли оправдательный приговор с немедленным освобождением его из-под стражи. Через 1 год и 8 месяцев содержания в неволе молодой поэт впервые вдохнул глоток свежего воздуха. Вероятно, и Петра Петровича подвергали пыткам, но он не сломался, мужественно доказывал свою невиновность. И доказал. А вот как доказать свою независимость в обществе судьям, вынося столь рискованный оправдательный приговор?

Теперь ждали свою участь уже судьи. С какой силой опустится на их головы дамоклов меч, они не знали. А ждать оставалось недолго. Ефима Емельяновича тут же освободили от занимаемой должности, устроили

рядовым ревизором в наркомате юстиции в Чебоксарах, где он проработал один год.

14 апреля 1940 года Е.Гаршин отправляет письмо в обком ВКП(б): «Я должен отметить необоснованность отстранения меня от выборов в члены Верховного суда в августе 1939 года. Считаю незаконным вмешательство в оперативную работу суда по конкретному делу, без надлежащей проверки и не дожидаясь окончательных результатов проверки, мне было приписано, якобы неправильное оправдание обвиняемого Хузангая, однако, дело это во всех высших судебных инстанциях признано правильным, в результате чего я пострадал совершенно необоснованно». (фонд 1, оп. 22, ед. хр. 3629, ЦГА ЧР).

На самом деле оправдательный приговор судебной коллегией Верховного суда РСФСР был поддержан, кассационный протест прокуратура Чувашской АССР был отозван как необоснованный самим прокурором РСФСР, а уголовное дело было возвращено для хранения в архиве.

Почувствовав, что тучи над головой Гаршина стали постепенно рассеиваться, первым руку помощи протянул нарком юстиции РСФСР. Он предложил опальному судье поехать в город Якутск работать в наркомате юстиции Якутии. Однако якутский обком ВКП(б) не решался давать разрешение на работу. Он запросил характеристику из чувашского обкома партии. Последовал такой ответ: «Гаршин работал членом Верховного суда Чувашии. В работе проявил себя дисциплинированным. Качество рассмотренных дел по первой инстанции хорошее, партвызысканий нет. Освобожден и переброшен в Якутию по личному желанию. Матвеев. Секретарь Чувашского обкома ВКП(б), 03.07. 1940 г.».

Конечно же, Матвеев покривил душой, мотивировав освобождение и выезд в Якутию собственным желанием. Видимо, партийное руководство полагало, что Гаршин откажется поехать на Крайний Север, а если поедет, то заболит. Они ошиблись. Он, как стойкий боец, поехал туда, куда послали. Как в пословице говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло.

С 1940 по 1942 год Гаршин работает зам. наркома юстиции Якутской АССР. Он трудится, не жалея сил и здоровья. За короткое время завоевывает почет и уважение среди населения. С июня 1942 по август 1945 года ему было доверено работать председателем Верховного суда Якутской АССР. Работа в суровых климатических условиях Крайнего Севера сильно подорвала здоровье. В автобиографии от 30 ноября 1948 года Ефим Емельянович указывал:

«Я необоснованно пострадал в связи с вынесением оправдательного приговора по обвинению чувашского поэта Педера Хузангая, в результате чего оказался на Крайнем Севере вопреки своей воле.

В связи с ухудшением здоровья в Якутии я поставил перед НКЮ РСФСР вопрос о переводе меня в другую область с более мягким климатом. Просьба моя была удовлетворена, и в августе 1945 года я вновь вернулся в родную Чувашию и тут же был избран председателем Верховного суда Чувашской АССР».

На этой должности он проработал до марта 1947 года. Однако его здоровье продолжало ухудшаться, поэтому, по его же просьбе, Гаршина перевели на должность зам. председателя Верховного суда Чувашской АССР.

Сейчас пришла пора вернуться к вопросу о личности этого мужественного юриста.

Гаршин родился в декабре 1900 года в деревне Заовражное Чебоксарского уезда, (ныне входит в черту города Чебоксары) в бедной крестьянской семье. Он всегда тянулся к получению образования. Окончил Абашевскую сельскую школу (1913 г.), Чебоксарское высшее начальное училище (1917 г.), педагогические курсы в Чебоксарах (1919 г.), Всесоюзный заочный юридический институт (1938 г.). Этот ВУЗ он завершил с отличием. Дальше привожу послужной список его работы:

1919-1922 гг. - учитель Кугеев-ской начальной школы I ступени; 1922 - 1926 гг. - секретарь Глав-суда; 1926 - 1928 гг. - народный судья Красночетайского района; 1928-1929 гг. - юрисконсульт в г. Ядрине; 1929 -

1930 гг. - народный судья Ядринского района; 1930 - 1933 гг. - старший секретарь Главсуда; 1933-1939 гг. - член Верховного суда ЧАССР; 1939 -1940 гг. - ревизор НКЮ ЧАССР.

Дальнейшая работа известна. Он был хорошим и заботливым семьянином. На иждивении имел 4-ых детей.

За успешную работу по укреплению революционной законности и охране интересов государства в условиях Отечественной войны Президиумом Верховного Совета СССР от 26 марта 1945 года Е. Е. Гаршин награжден орденом «Знак почета». Он также многократно поощрялся грамотами, часами и юбилейной медалью.

Северные условия жизни сильно подточили его здоровье. После продолжительной болезни 19 апреля 1949 года от сердечно-легочной недостаточности он скончался. Ему было всего 48 лет.

В этом году исполняется 105 лет со дня рождения Ефима Емельяновича Гаршина. Юристы Чувашии собираются широко отметить юбилей. Воздадим же ему должное, пусть общественность больше узнает об этом отважном, непокорном судье 30-40-ых годов прошлого столетия. Он заслужил это.

Судеб. вестн. Чувашии. – 2005. – № 4. – С. 50-52.